

**БІЛІМ БЕРУ ҚҰҚЫҒЫ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПРАВО
EDUCATIONAL LAW**

МРНТИ 10.07.01.
УДК 347.963

Б.Х.Толубекова¹, Т.Б.Хведелидзе¹, Ж.Ю.Сайлибаева¹

ВНЕДРЕНИЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ВУЗЕ: ТЕНДЕНЦИИ И РИСКИ (ПО МАТЕРИАЛАМ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН)

Аннотация

В статье авторы исследуют обстоятельства, способствующие формированию зон рисков в условиях интенсивной цифровизации таких важнейших функций в системе вузовского образования, как управление учебным процессом и контроль за качеством предоставляемых образовательных услуг. Как можно более раннее выявление обстоятельств, способствующих формированию зон рисков, необходимо для своевременного принятия эффективных мер для снижения уровня негативного воздействия цифровизации на нормальное протекание образовательных процессов.

Ключевые слова: цифровизация, управление учебным процессом, контроль за успеваемостью, пределы внедрения цифровых технологий, виды зон рисков.

Б.Х.Толубекова¹, Т.Б.Хведелидзе¹, Ж.Ю.Сайлибаева¹

¹Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университеті

ЖОО-ДА ЦИФРЛЫҚ ТЕХНОЛОГИЯЛАРДЫ ЕНГІЗУ: ҮРДІСТЕР МЕН ТӘУЕКЕЛДЕР (ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНЫҢ МАТЕРИАЛДАРЫ БОЙЫНША)

Аңдатпа

Мақалада авторлар жоғары оқу орындарының білім беру жүйесіндегі оқу процесін басқару және ұсынылатын білім беру қызметтерінің сапасын бақылау сияқты маңызды функцияларды қарқынды цифрландыру жағдайында қауіп-қатер аймақтарын қалыптастыруға ықпал ететін жағдайларды зерттейді. Тәуекел аймақтарын қалыптастыруға ықпал ететін жағдайларды мүмкіндігінше ертерек анықтау цифрландырудың білім беру процестерінің қалыпты жүруіне теріс әсер ету деңгейін төмендету үшін тиімді шараларды уақтылы қабылдау қажет.

Түйін сөздер: цифрландыру, оқу процесін басқару, үлгерімді бақылау, цифрлық технологияларды енгізу шектері, тәуекелдер аймақтарының түрлері.

В.Кh.Toleubekova¹, Т.В.Khvedelidze¹, Zh.Yu. Sailibayeva¹

¹Abai Kazakh national pedagogical university

THE INTRODUCTION OF DIGITAL TECHNOLOGIES IN HIGHER EDUCATION: TRENDS AND RISKS (BY THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN)

Abstract

In the article the authors investigate the circumstances contributing to the formation of risk zones in the conditions of intensive digitalization of such critical functions in the system of higher education as management of educational process and quality control of educational services. The earliest possible identification of the circumstances contributing to the formation of risk zones is necessary

for the timely adoption of effective measures to reduce the level of negative impact of digitalization on the normal course of educational processes.

Key words: digitalization, management of the learning process, progress control, limits of digital technology implementation, types of risk zones.

Статья подготовлена при финансовой поддержке НАО «КазНПУ имени Абая» в рамках проекта: «Методы выявления зон коррупционных рисков в условиях цифровизации форм контроля и управления учебным процессом в вузах» (2022 г.).

Введение

Основная мировая тенденция в контексте внедрения цифровых технологий состоит в нарастающей и ускоренной экспансии цифровизации, в захвате все большего спектра функций в деловой, экономической, политической, культурной, социальной сферах жизни и деятельности населения практически всех стран мира. Высшее образование как элемент культурной политики Казахстана более всего оказалось привязанным к цифровым технологиям. В современных условиях педагогическая наука констатирует, что проблема феноменализации кибераддикции затрагивает такие области познания, как психология, социология, медицина, биология, этология, право. Угроза усматривается в перерастании феномена в социально значимое явление под условным названием «интернет-аддикции» [1, с.25]. Таким образом, речь идет о трансформации цифровых технологий из практического инструмента решения актуальных (нередко – рутинных) задач в навязчивую индивидуальную потребность, влекущую почти неконтролируемую зависимость. Погружение индивида в сущность цифровых технологий постепенно перерождается в потребность взаимодействовать с техническим партнером (искусственным интеллектом) на уровне, равном живому человеческому общению. В результате происходит разрыв наработанных индивидуальной жизненной практикой определенных связей с действительностью. Человек теряет способность в полной мере осознавать и объективно оценивать события, факты, явления действительности. Известные шаги в этом направлении делает высшая школа, которая не приемлет пока необходимости в дозированном применении цифровых технологий.

В процессе исследования проблем, связанных с формированием зон рисков в условиях активной цифровизации системы вузовского образования, авторы настоящей статьи осуществили попытку решения следующих задач:

1. Состояние и оценка законодательной регламентации процессов и сфер цифровизации в системе высшего образования Казахстана;

2. Пути предупреждения правонарушений в условиях внедрения цифровых технологий.

Методология исследования включает общие и специальные методы постижения истины, традиционно применяемых в правовой науке: метод познания от общего к частному; применение преимуществ родо-видовых отношений; диалектический подход в оценке объективной действительности, контент анализ; логико-правовое обобщение; компаративистика и др.

Основная часть

1. Состояние и оценка законодательной регламентации процессов и сфер цифровизации в системе высшего образования Казахстана

Процессы цифровизации в системе вузовского образования Республики Казахстан тесно связаны с Планом мероприятий по реализации Государственной программы «Цифровой Казахстан», принятой 12 декабря 2017 года [2]. Независимо от того, что названная Программа в мае 2022 года утратила свою силу в связи с завершением ее реализации, она оказала весьма ощутимое влияние на процессы внедрения цифровых технологий в систему высшего образования страны. Основное назначение указанной программы состояло в достижении следующих целей: 1) ускорение темпов развития национальной экономики; 2) улучшение качества жизни населения Казахстана путем использования цифровых технологий в

среднесрочной перспективе; 3) создание надлежащих условий для дальнейшего перехода экономики на принципиально новую траекторию развития. Ни одна из этих целей напрямую не касается образования в целом, вузовского – в частности. Наряду с этим, акцент на экономическую составляющую общегосударственной политики означал, что дальнейшее развитие и укрепление вузовской системы находится в прямой зависимости от решения комплекса экономически важных вопросов.

Таким образом, общий старт процессам цифровизации был дан с декабря 2017 года в рамках Государственной программы «Цифровой Казахстан». В целях обеспечения государственной политики цифровизации одновременно был принят План мероприятий по реализации Государственной программы «Цифровой Казахстан» [3]. В этом плане нашли отражение мероприятия, имеющие отношение к вузовскому образованию. Так, в рамках направления III. «Реализация цифрового Шелкового пути» было предусмотрено два мероприятия: 1) Создание и внедрение единой информационной системы науки Казахстана (п. 63 Плана); 2) Создание и внедрение системы управления образованием (п. 64 Плана). Сроки их выполнения – декабрь 2021 г. В рамках направления IV. «Развитие человеческого капитала» предполагалось выполнение около 10-ти мероприятий, составляющих основу для решения задачи повышения цифровой грамотности всех уровней обучаемых, из которых имеют значение для настоящего исследования следующие мероприятия: 1) Актуализация образовательных программ по ведущим специальностям, в т.ч. ИКТ (информационно-коммуникационные технологии) с учетом современных трендов (п. 87 Плана); 2) Открытие филиалов ИКТ кафедр вузов на предприятиях (п. 88 Плана); 3) Привлечение производственных ИКТ специалистов в учебный образовательный процесс путем проведения практических и лабораторных занятий на базе вузов (п. 89 Плана); 4) Открытие центра компетенций на базе вузов РК для повышения цифровых навыков студентов (п. 90 Плана); 5) Создание Института промышленной автоматизации и цифровизации на базе существующей инфраструктуры (п. 91. Плана); 6) Развитие Astana IT University (открытие и развитие научно-практических лабораторий по кибербезопасности) (п. 92 Плана); 7) Создание национальной платформы открытого образования (п.95 Плана). Попутно заметим, что реализация 3-х мероприятий должна была осуществляться за счет средств вузов из внебюджетных источников. Данное обстоятельство ограничивает поле действия вузов в той мере, в какой это связано с реальными объемами внебюджетных средств, которыми располагает конкретное учебное заведение.

Приблизительная оценка формулировок наименований мероприятий, приведенных выше, свидетельствует о том, что они минимально конкретизированы и их реализация объективно требует собственной вузовской интерпретации в части методов, средств, форм, сроков и иных характеристик, что должно быть отражено в стратегических планах развития самих вузов. Однако интерпретация – это еще и собственное, индивидуальное видение, оригинальное понимание существа решаемой задачи, собственные подходы и собственные измерители показателей. При таком положении дел добиться единообразия в систематизации оценочных данных весьма сложно.

Сложность в деле обеспечения какого-либо единообразия в поэтапной деятельности вузов, направленной на выполнение Плана мероприятий по реализации Государственной программы «Цифровой Казахстан», обусловлена одним очень важным обстоятельством, а именно, углублением процессов децентрализации управления системой вузов Казахстана.

Для советского периода развития казахстанской государственности было характерно неуклонное соблюдение общесоюзных правил организации и управления вузовской системой образования. Полная централизация с охватом всех союзных республик гарантировала достижение единообразия в принципах, формах, методах и средствах управления и контроля в высшем и послевузовском образовании.

Реализация принципа децентрализации, вкуче с предоставлением академической свободы, наряду с позитивными результатами, повлекла отдельные негативные последствия, которые затронули систему управления и контроля в области высшего образования. В частности,

децентрализация и требование не выходить за пределы единой системы управления высшим образованием (ЕСУВО) – в определенной степени понятия несовместимые. Они противоречат друг другу. Дело в том, что понятие «единая система управления высшим образованием» – достаточно новое в образовательном праве. Изначально оно носило доктринальный характер. Логически подход был правильным: управление высшим образованием должно быть единым независимо от форм собственности. Открытыми остаются вопросы: какова структура ЕСУВО? носит ли эта структура перманентный или переменный характер? в чем заключаются методы, способы, средства управления высшим образованием? какие применяются индикаторы, оценочные измерители эффективности управления? каков круг субъектов, осуществляющих управление? характер нормативных правовых источников, регламентирующих соответствующую сферу отношений? Приведенный перечень не является исчерпывающим.

Актуальность всемерного повышения цифровой грамотности обучающихся и преподавателей резко возросла в связи с пандемией COVID-19, когда все вузы перешли на онлайн формат обучения. При этом использовались самые разные платформы: ZOOM, Platonus, Moodle, Microsoft Teams, Webex Cisco и др. Ряд вузов разрабатывал и использовал собственные платформы. По данным на начало 2020/2021 учебного года в Казахстане функционировало 128 вузов, в том числе: национальных университетов – 11; международных университетов – 1; автономных образовательных организаций – 1; государственных университетов – 29; акционерных – 17; частных – 55; негражданских вузов – 14. На этот же период общее количество обучающихся в вузах составляло 618 090 человек, в том числе: бакалавриат – 576 557 человек; магистратура – 34 619; докторантура – 6 914. Профессорско-преподавательский состав включал 36 307 человек [4] (за прошедший 2021/2022 учебный год каких-либо значимых изменений в количественных показателях не произошло). Обучение такого большого количества пользователей основам применения цифровых технологий в вузе требует серьезной организационно-управленческой работы и дополнительных финансовых затрат собственных внебюджетных средств каждого отдельно взятого вуза. Контроль и управление образовательным процессом со стороны Министерства образования и науки РК (с июня 2022 года – Министерство науки и высшего образования РК) в создавшихся условиях значительно усложняется. Соответственно, увеличиваются риски формирования зон неправомерного применения цифровых технологий в соответствующих сферах вузовской деятельности, которое может выражаться в манипулировании цифровыми технологиями в корыстных целях. Как было отмечено нами ранее, то, что принято называть единой системой управления высшим образованием (ЕСУВО), в Казахстане носит аморфный характер, не имеет строгой системы с отражением единых целей, задач и принципов этой системы управления, средств управления и контроля, дозволений и ограничений. В зоне применения и действия ЕСУВО огромное количество ведомственных актов, которые не поддаются рациональной рубрикации или классификации. Такое положение дел негативно отражается на предписаниях, имеющих отношение к вопросам применения в образовании цифровых технологий.

Обращение к законодательству в области образования по вопросам единой системы управления высшим образованием в контексте цифровизации показало, что в данной части требуется проведение большой аналитической работы с приведением предписаний по управлению высшим образованием в действующую эффективную единую систему. Эта потребность обусловлена множеством факторов, в числе которых нами усматриваются последние июньские 2022 года мероприятия по размежеванию прежнего Министерства образования и науки Республики Казахстан на два министерства: Министерство просвещения (МП РК) и Министерство науки и высшего образования (МНВО РК). Для нормального функционирования вновь созданного МНВО РК потребуются проведение ревизии всего комплекса нормативных правовых актов, включая ведомственный уровень, регламентирующих организацию и деятельность организаций, осуществляющих высшее и послевузовское образования.

В настоящее время состояние дел в интересующем нас аспекте следующее.

1. Согласно п.п.38) ст. 1 ЗРК «Об Образовании», дистанционные образовательные технологии – обучение, осуществляемое с применением информационных и телекоммуникационных средств при опосредованном (на расстоянии) или не полностью опосредованном взаимодействии обучающегося и педагогического работника [5]. С учетом обострения ситуации с риском заражения инфекционными заболеваниями, штаммами COVID в отдельных регионах страны (например, в г. Алматы) начиная с июня 2022 года, актуальность регламентации оснований и механизмов применения дистанционных технологий в вузовском образовании сохраняется. Это означает, что в перспективе детальная регламентация применения дистанционных технологий в высшем образовании должна присутствовать. При этом важно подчеркнуть, что основания для перехода на данную технологию должны быть едиными и законодательно установленными. Кроме того, существует постоянная потребность в этих технологиях для обучаемых с ограниченными возможностями.

2. В ст. 3 ЗРК «Об образовании» закреплены принципы государственной политики в области образования. Они имеют универсальный характер и обращены ко всем уровням образования, начиная с дошкольного и заканчивая послевузовскими уровнями. Отношение к настоящей теме имеет п.п. 9 п. 1 указанной нормы, содержащий такой принцип, как «демократический характер управления образованием, прозрачность деятельности системы образования» [5]. Демократический характер управления образованием означает предусмотрение различных коллегиальных органов, функционирующих в рамках отдельно взятого вуза. Эти органы наделяются полномочиями, круг которых устанавливается в уставе вуза либо регламентируется отдельными положениями о них. Самым распространенным и действенным способом коллегиального решения вопросов, касающихся отправления вузами основных функций, до недавнего времени являлся ученый совет. Ученый совет действительно открытый коллегиальный орган. Но его роль в современных условиях сокращается и все больше приобретает формальный характер. Это связано с активными процессами акционирования вузов. В соответствии с п.п. 2 п. 1 ст. 33 ЗРК «Об акционированных обществах» органом управления является совет директоров [6]. Таким образом, в условиях акционирования вузов ключевым коллегиальным органом, уполномоченным решать вопросы стратегического, материально-технического и финансового характера, становится совет директоров. Работа советов директоров носит закрытый характер. Требование прозрачности здесь не работает. Конфиденциальность установлена в п.п. 18 п. 2 ст. 53 ЗРК «Об акционерных обществах». Именно совет директоров устанавливает характер и объемы информации об обществе или его деятельности, составляющей служебную, коммерческую или иную охраняемую законом тайну. Практика свидетельствует о том, что решения советов директоров в ряде случаев – это результат выполнения воли ангажированной верхушки. А иные члены, зачастую, являются номинальными участниками. Тем более, что это участие в работе советов директоров неплохо оплачивается вузами.

В рассматриваемом аспекте высок риск ошибочного понимания роли цифровизации и его места в общей системе управления вузом и контроля за качеством образовательных услуг. Требование прозрачности не всегда соблюдается в должной мере. С учетом изложенного, предлагается, наряду с необходимостью сохранения по отдельным направлениям конфиденциальности, законодательное предусмотрение обязательных для всех акционированных (коммерческих и некоммерческих) вузов перечня данных, их характеристик и форм предоставления, обеспечивающих разумную прозрачность деятельности советов директоров, с наступлением юридической ответственности за их несоблюдение. Обязательные формы не должны являться препятствием для расширения перечня прозрачной информации за счет вузовской инициативы.

3. В действующем ЗРК «Об образовании» единая система управления высшим образованием является лишь частью общей системы управления образованием. Эта система состоит из трех уровней, обозначенных как компетенции уполномоченных органов: первый уровень – компетенция Правительства РК в области образования (ст. 2); второй уровень –

компетенция уполномоченного органа в области образования (ст. 5); третий уровень – компетенция местных представительных и исполнительных органов в области образования (ст. 6). Второй уровень – это МНВО РК (ранее – МОН РК). Представляется, что при таком широком перечне органов, осуществляющих управление образованием на всех его уровнях, сложно говорить о единстве системы управления, и еще сложнее обеспечить взаимодействие и взаимосвязь функционирующих уровней образования при решении стоящих перед каждым уровнем образования задач. Есть основания полагать, что в результате организационного разделения МОН РК на два самостоятельных министерства потребуется разработка двух законов: 1) с самостоятельной регламентацией функций, передаваемых Министерству просвещения; 2) с самостоятельной регламентацией функций, передаваемых Министерству науки и высшего образования. При таком подходе формирование и функционирование ЕСУВО обладает большей перспективой, чем это имело место до сегодняшнего дня.

4. В соответствии со ст. 7 ЗРК «Об образовании», регламентирующей порядок информационного обеспечения органов управления системой образования, устанавливается, что «в целях своевременного обеспечения органов управления системой образования полной, достоверной, сопоставимой информацией создается и действует единая информационная система образования, обеспечивающая возможность эффективного управления образованием» [5]. Действующим Правилам организации и функционирования единой информационной системы образования, утвержденным приказом министра образования и науки от 1 декабря 2011 г. № 503 [7], предшествует несколько аналогичных ведомственных актов (например, от 20.12.2004 г. № 1037; от 03.10.2008 г. № 548). Согласно п.п. 8 п. 2 действующих Правил единая информационная система образования (ЕИСО) осуществляет организацию потоков данных в информационной среде по следующим пяти направлениям:

1) информационному – обеспечение единого информационного пространства системы образования;

2) административному – информационное обеспечение управленческих решений на всех уровнях управления;

3) оперативному – реализация систем сетевого мониторинга и администрирования, резервного хранения и обработки данных, организация технической связи оперативно-технического персонала;

4) техническому – ресурсное и кадровое обеспечение, структуризация подсистем в зависимости от текущих требований формирования единого технологического комплекса и методик, использование инновационных технологий, оптимизация и технологический консалтинг;

5) результативному – оперативный мониторинг и оценка успеваемости и посещаемости учащихся посредством информационной системы, внедренной в организациях образования.

Каждое из этих направлений характеризуется широтой охвата нормативных правовых актов, включая международные договоры, а также ведомственное регулирование. Далее, исполнение предписаний по направлениям предполагает формирование собственных вузовских пакетов актов, планов мероприятий, организационно-управленческих решений и действий и т.д. Таким образом, ЕИСО создает надлежащую структуру и систему получения, оперирования и применения информационно значимых данных, обладающих признаком сопоставимости.

Очевидно, что информационное поле, охватывающее все уровни образования в пределах ЕИСО, в современных условиях в значительной степени теряет свою актуальность. Самостоятельное функционирование двух министерств – Министерства просвещения и Министерства науки и высшего образования – настоятельно требует осуществления в ближайшем будущем дифференциации нормативной базы ведомственного уровня в вопросах ЕИСО для построения собственных информационных систем, отвечающих общим и специальным целям и задачам каждого из названных министерств.

5. В ст. 11 ЗРК «Об образовании» закреплен комплекс задач системы образования, из

которых имеет отношение к исследуемой проблеме такая задача, как «внедрение и эффективное использование новых технологий обучения, в том числе кредитной, дистанционной, информационно-коммуникационных, способствующих быстрой адаптации профессионального образования к меняющимся потребностям общества на рынке труда» (п.9).

Как показала практика периода 2020-2022 гг., применение дистанционных образовательных технологий (ДОТ) в системе высшего образования РК не принесло ожидаемых результатов, качество образования оказалось на низком уровне. Дело доходило до курьезов, когда обучаемый не мог вспомнить название изучаемого предмета или тему своей дипломной работы. В результате МОН РК отменил применение ДОТ для высшего образования. Наряду с этим, ДОТ определяется как такие технологии, которые реализуются с применением информационно-коммуникационных сетей при обязательном опосредованном (на расстоянии) взаимодействии обучающихся и педагогических работников [8]. Электронное обучение (ЭО), близко примыкающее к ДОТ, оказалось более продуктивным, но ЭО не нашло должного применения в системе высшего образования Казахстана.

Поиски причин создавшегося положения ведут нас к объявлению чрезвычайной ситуации во взаимосвязи с пандемией, а также трагическим событиям января 2022 года. Причины объективные, они породили поспешность в организации и внедрении ДОТ в систему высшего образования, что было сопряжено с недостаточным нормативным регулированием складывающихся отношений в образовательной среде. Не исключается, что и само техническое обеспечение не в полном объеме соответствовало тем параметрам, при наличии которых результаты могли быть более высокими. В любом случае мы полагаем, что применение цифровых технологий требует применения избирательного подхода по таким параметрам, как простота и удобство для потребителя, надежность и эффективность программы, возможность осуществления контроля за качеством и частотой взаимодействия субъектов ДОТ в лице обучаемых и преподавателей.

2. Пути предупреждения правонарушений в условиях внедрения цифровых технологий

Попытки разрешения обозначенной задачи в настоящей работе ограничены только нуждами сферы высшего образования в Казахстане. Как вытекает из сущности первой задачи, основной путь в деле предупреждения правонарушений в цифровой среде, формируемой в системе высшего образования, заключается в создании сообразного потребностям оборота цифровых технологий в исследуемой системе с обязательным учетом особенностей правоотношений между субъектами, складывающихся в условиях оказания образовательных услуг [9, с. 74]. Очевидно, что цифровизация как процесс носит необратимый характер. Наряду с этим, каждая сфера жизни и деятельности общества, соприкасающаяся с цифровыми технологиями, обладает своими особенностями, пренебрежение которыми может привести к негативным последствиям [10]. Чрезмерное увлечение цифровыми технологиями в образовательной сфере, глубокое погружение во всемирную паутину, безоглядное и некритичное доверие к web, как нам представляется, может свести к ничтожному тысячелетиями складывавшиеся естественные коммуникативные способы и средства, которые и отличают человека от андроидов.

Искусственный интеллект, все более и более активно заявляющий о себе, не может в полном объеме заменить своего создателя – человека. Потребность в искусственном интеллекте обусловлена необходимостью освобождения разума человека от рутинной работы, для быстроты решения сиюминутных задач, более рационального оперирования большими массивами данных, необходимостью противодействия неблагоприятным поступкам человека в виде преступлений или проступков, замены присутствия человека в той среде, которая является агрессивной для человеческого организма, и иными потребностями. Все эти области отношений между цифровыми технологиями, искусственным интеллектом и живым

человеком нуждаются в регулировании правовыми средствами. Мы сейчас являемся свидетелями формирования новой отрасли права, условно называемой цифровым правом. В пределах этой отрасли уже обозначаются определенные векторы: цифровая экономика, цифровые деньги, цифровая экология, цифровое образование, цифровое правосудие и т.д. [11; 12]. Данное обстоятельство является признаком глубокой и многосторонней комплексности цифрового права, что одновременно означает многократное увеличение зон рисков неправомерного применения цифровых технологий [13].

Компьютерная грамотность (цифровая грамотность) не должна означать обязательного и повсеместного получения образования по специальности «информатика и программирование». Превалирующее большинство субъектов цифровых отношений – это простые пользователи, а не программисты. Отсюда, пользование цифровыми технологиями не должно сопровождаться обязательным получением пользователем специального технического образования. Должно быть достаточно прохождения краткосрочных (в среднем в объеме 1-2 часов) курсов, позволяющих свободно работать в том режиме, который необходим для грамотного выполнения конкретных функций на основе применения цифровых технологий. Одновременно методика работы с цифровыми технологиями должна быть доступной для рядового пользователя, простой в получении соответствующих услуг. Именно об этой стороне дела говорит в своих исследованиях Е.Ю. Баракина. Помимо этого, она также отмечает, что «для широкого использования технологии пока фактически недоступны, так как применение технологии без урегулирования правоотношений увеличивает возможность реализации рисков для клиентов юридических фирм» [14, с. 37].

Вместе с ростом правонарушений, связанных с неправомерным использованием цифровых технологий, растет потребность в создании новых способов обеспечения безопасности и усилении имеющихся на вооружении мер безопасности, создающих препятствия для утечки информации, манипулирования ИТ технологиями. Как полагает Е. В. Грибанов, спектр технологий предупреждения преступлений должен расширяться за счет включения таких технологий, которые обусловлены процессами цифровизации. Мы солидарны с названным автором во мнении о том, что назрела необходимость в создании и развитии технологии киберпрофилактики. Нет сомнений в том, что в современных условиях «информационно-коммуникационные технологии широко используются правоохранительными органами для выявления, раскрытия и расследования преступлений. Активно развивается и научное обеспечение этой деятельности. Однако данное направление практически не развито в вопросах предупреждения преступности» [15, с.99]. Предположение Е. В. Грибанова о том, что технологии киберпрофилактики будут развиваться по двум векторам: 1) использование ИТ технологий для развития различных направлений предупреждения преступлений, которые напрямую не связаны с ИТ технологиями; 2) развитие непосредственно технологий предупреждения преступлений в сфере ИТ, - заслуживает внимания и поддержки.

В контексте изложенного представляет интерес исследование А. В. Баркова в той части, где он обосновывает необходимость создания «механизма контроля, процедур проверки соответствия деятельности» субъектов соответствующих отношений поставленной цели [16, с. 118]. Процессы цифровизации А. В. Барков с известной долей иронии называет «диджитализацией» (от англ. digital – цифра). Наряду с изложенным, исследователи констатируют, что «вырастает потребность в высококвалифицированных специалистах для контроля, управления и координации обучения систем искусственного интеллекта в целях обеспечения их эксплуатационной безопасности и адекватного использования» [17, с. 72].

Импонирует мнение А. В. Баркова о том, что при нарастании всевозможных рисков, обусловленных применением искусственного интеллекта, «человеку нужно оставаться конкурентоспособным даже после полномасштабного внедрения искусственного интеллекта в сферу труда» [17, с.74] (в нашем случае – труда профессорско-преподавательского состава вуза).

Подобно тому, как в праве существуют и широко применяются понятия «предел» и

«ограничение» [18], в вопросах применения цифровых технологий и искусственного интеллекта в системе высшего образования также должны быть установлены и пределы, и ограничения. При этом целесообразно исходить из следующих посылок: предел – жесткая граница, в рамках которых находит свою правовую защиту то или иное дозволение, в частности, применение конкретных цифровых технологий, отвечающих целям и задачам образовательного процесса, управления и контроля в вузовской системе; ограничение – сужение или изъятие из этого дозволения посредством использования, в частности, оговорок наподобие: если это не причинит вреда здоровью пользователя, интересам общества, не будет способствовать рассекречиванию охраняемой законом тайны, иных уместных оговорок.

Основные выводы

1. Современные мировые тенденции тесно связаны с процессами внедрения цифровых технологий практически во все сферы жизни и деятельности общества. Этот процесс носит необратимый характер. Изначально цифровизация должна была играть роль фактора, оказывающего содействие человеку в реализации им своих социальных функций. Экспансия цифровых технологий нарастает и принимает мировые масштабы, создавая угрозы в разных направлениях общественной безопасности.

2. В условиях интенсивного внедрения в сферу высшего образования цифровых технологий параллельно с преимуществами формируются зоны рисков неправомерного доступа к базам данных и манипулирования цифровыми технологиями в преступных целях.

3. Правовая основа внедрения, применения и развития цифровых технологий в системе высшего образования Республики Казахстан оценивается как недостаточная. Данное обстоятельство само по себе является зоной повышенного риска, угрожающего нормальной образовательной деятельности, управлению высшим образованием и контролю за качеством предоставляемых образовательных услуг.

4. Система ЕСУВО нуждается в коренной модернизации, обусловленной необходимостью ревизии имеющейся нормативной базы, регламентирующей порядок применения цифровых технологий. Кроме этого, ЕИСО в условиях размежевания МОН РК и распада на два самостоятельных ведомства – в Министерство просвещения РК и в Министерство науки и высшего образования РК - нуждаются в новой интерпретации и трансформации с целью обеспечения соответствия целям и задачам вновь созданных министерств. В обеих системах должны быть восполнены пробелы, образовавшиеся в процессе внедрения цифровых технологий в высшее образование. Наряду с этим, процессы внедрения цифровых технологий должны проходить в рамках таких категорий, как «пределы» и «ограничения».

5. Потребность в обеспечении безопасности цифровых технологий, применяемых в системе высшего образования Казахстана, может быть удовлетворена путем активного формирования и развития новой криминологической технологии - технологии киберпрофилактики.

Список использованной литературы:

1. Резер Т. М., Попов П. М. Теоретико-методологические подходы к изучению проблемы кибераддикции//*Право и образование*. 2022, № 5. С. 21-26.

2. *Цифровой Казахстан: Государственная программа*. – Утверждена постановлением Правительства Республики Казахстан от 12.12.2017 г. № 827//<https://adilet.zan/kz/rus/docs/P1700000827> (дата обращения: 08.07.2022.). Государственная программа утратила свою силу постановлением Правительства РК от 17.05.2022 г. № 311.

3. *План мероприятий по реализации Государственной программы «Цифровой Казахстан»* - Утвержден постановлением Правительства Республики Казахстан от 12.12.2017 г. № 827//<https://adilet.zan/rz/rus/docs/> (дата обращения: 08.07.2022.). План мероприятий утратил свою силу постановлением Правительства РК от 17.05.2022 г. № 311.

4. *Электронный ресурс*//<https://igaa.kz/visshee-obrazovanie> (дата обращения: 08.07.2022.).

5. Об образовании – Закон Республики Казахстан от 27.07.2007 г. № 319-III. С изменениями и дополнениями по состоянию на 01.01.2022. // <https://adilet.zan/kz>rus>docs> (дата обращения: 11.07.2022.).

6. Об акционерных обществах – Закон Республики Казахстан от 13.05.2003 г. № 415-II. С изменениями и дополнениями по состоянию на 08.01.2022 г. // https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1039594 (дата обращения: 13.07.2022.).

7. Правила организации и функционирования единой информационной системы образования. – Утверждены приказом министра образования и науки от 01.12.2011 г. № 503 // [https://inform.kz/ru/mon-rk-utverzhdeny-pravila ..._a2457667](https://inform.kz/ru/mon-rk-utverzhdeny-pravila..._a2457667) (дата обращения: 13.07.2022.).

8. Электронный ресурс // https://zen.yandex.ru/media/ab_dpo/...-611bbf79-c8629d7f49c53e17 (дата обращения: 13.07.2022.).

9. Яценко Т. С. Предупреждение правонарушений в цифровой среде: гражданско-правовой аспект // Российская юстиция. 2022, № 5. С. 71-74.

10. Толубекова Б. Х., Хведелидзе Т. Б. Особенности реализации Концепции антикоррупционной политики Республики Казахстан на 2022-2026 годы вузами в условиях внедрения цифровых технологий // Хабаршы/Вестник КазНПУ им. Абая, Серия «Юриспруденция». 2022, № 1 (67). С. 26-33.

11. Сарнакова А. В., Жижин Н. С. Вопросы соотношения безналичных денежных средств, электронных денежных средств и цифрового рубля // Юрист. 2022, № 5. С. 26-33. DOI: 10.18572/1812-3929-2022-5-26-33.

12. Маслов А. В., Швандар К. В., Маклакова Ю. А. Цифровые валюты центральных банков и место цифрового рубля // Финансы и кредит. 2021, Т. 27, № 5 (809). С. 1058-1073.

13. Белых В. С., Болобонова М. О. Понятие, значение и тенденции развития цифрового права // Юрист. 2020, № 1. С. 5-14.

14. Баракина Е. Ю. Некоторые аспекты применения инновационных технологий в сфере оказания юридической помощи // Юрист. 2022, № 5. С. 34-39.

15. Грибанов Е. В. Технологии предупреждения преступлений: проблемы формирования и развития // Государство и право. 2019, № 10. С. 94-103. DOI: 10.31857/S013207690007190-1.

16. Барков А. В. О влиянии зарубежного социально-предпринимательского опыта на трансформацию правовой модели корпоративного управления в цифровую эпоху // Государство и право. 2019, № 10. С. 112-120. DOI: 10.31857/S013207690007192-3.

17. Филипова И. А. Искусственный интеллект, трудовые отношения и право: влияние и взаимодействие // Государство и право. 2019, № 11. С. 69-77. DOI: 10.31857/S013207690007472-1.

18. Травников Н. О. «Предел» и «ограничение» в праве: теоретико-правовой анализ понятий // Государство и право, 2017, № 7. С. 104-109.